ЖИЗНЬ НАРОДОВЪ РОССІИ

П. Инфантьевъ

ТАМЫРЪ

Разсказъ изъ жизни среди туркменъ и хивинцевъ

ХИВА и ЕЯ НАСЕЛЕНІЕ
ОЧЕРКЪ

Съ 13 рисунками

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XII-28648
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ

Изданіе книжнаго магазина П. В. ЛУКОВНИКОВА
Спб., Лештуковъ пер., 2
1912

Типо-литографія „Энергія“, Спб., Загородный пр., 17.

Тамыръ.

Разсказъ
изъ жизни среди туркменъ и хивинцевъ.

I.

Это было въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, — началъ свой разсказъ старый, заслуженный полковникъ.—Въ то время я только-что былъ произведенъ въ подпоручики и прикомандированъ къ линейному батальону, находившемуся на границѣ Киргизской степи, возлѣ г. Орска, Оренбургской губерніи. Нужно сказать, что время тогда было очень неспокойное: среди кочевниковъ въ степи происходили постоянныя волненія, и русскому человѣку было небезопасно отлучаться за черту города, такъ какъ всюду рыскавшіе туркмены и хивинцы хватали одинокихъ русскихъ людей, уводили въ Хиву и продавали ихъ въ рабство.

Непріязненныя отношенія хивинцевъ къ русскимъ начались почти съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Россія, свергнувъ татарское иго, оттѣснила орды монголовъ въ глубину Азіи, откуда они первоначально пришли. Съ этого времени Хива сдѣлалась какъ бы центромъ мусульманской ненависти по отношенію къ намъ, русскимъ. Окруженная со стороны русскихъ границъ непроходимыми, песчаными и безводными пустынями, простирающимися на тысячи верстъ, въ которыхъ лѣтомъ жара и зной доходитъ до 55° и болѣе, а зимою свирѣпствуютъ снѣжныя вьюги и мятели, Хива сознавала свою не-

доступность для русскихъ, и ея обитатели дерзко и безнаказанно нападали на наши границы, грабили, убивали и уводили въ плѣнъ мужчинъ и женщинъ, не пропускали наши караваны и мѣшали нашимъ торговымъ сношеніямъ съ Индіей, Китаемъ и Бухарой. Съ дѣтства свыкшіеся со всякими лишеніями и опасностями страшныхъ пустынь, ревниво оберегая находившіеся среди нихъ колодцы съ водой и при первомъ же приближеніи непріятеля засыпая ихъ, они были неуловимы среди этихъ пустынь на своихъ привычныхъ коняхъ и верблюдахъ, и благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій безнаказанно тревожили Россію.

Попытки русскихъ проникнуть въ Хиву начались еще съ первой половины XVII столѣтія, но оканчивались полной неудачей. А между тѣмъ въ русское подданство добровольно перешли кочевавшіе въ окружающихъ Хиву степяхъ племена киргизовъ Малой, Средней и Большой Орды, находившіяся до той поры въ нѣкоторой зависимости отъ хивинцевъ и платившія имъ **зякетъ** (подать). Этотъ переходъ еще болѣе распалилъ ненависть хивинцевъ къ русскимъ. Они стали постоянно волновать и подстрекать киргизовъ къ неповиновенію и бунтамъ противъ русскаго правительства, а если тѣ не слушались, хивинцы дѣлали на нихъ набѣги, грабили ихъ, убивали и уводили въ плѣнъ.

Дерзость хивинцевъ съ каждымъ годомъ принимала все болѣе и болѣе опасный характеръ. При Николаѣ I волненія въ Киргизской степи приняли угрожающіе размѣры. Чуть не вся степь взбунтовалась, и русское правительство принуждено было объявить новый походъ въ Хиву. Этотъ походъ былъ предпринятъ въ 1839 году подъ начальствомъ графа Перовскаго. Чтобы перейти страшныя, лѣтомъ безводныя, песчаныя пустыни, рѣшено было выступить въ походъ зимой. Этотъ расчетъ погубилъ все предпріятіе. Зима въ тотъ годъ, какъ на зло, была суровая; снѣга въ степи оказались настолько

глубокими, что движеніе не только обоза, но и пѣхоты оказалось почти невозможнымъ. Дѣло окончилось тѣмъ, что отрядъ съ половины дороги принужденъ былъ возвратиться, потерявъ изъ 4.000 человѣкъ, участвовавшихъ въ немъ, болѣе 3.000, т.-е. болѣе трехъ четвертей отряда, около 12.000 верблюдовъ и до 800 лошадей, а также весь транспортъ и орудія, которыя пришлось или уничтожить, или бросить въ степи.

Этотъ несчастный походъ еще болѣе укрѣпилъ хивинцевъ въ ихъ безопасности и безнаказанности, а русское правительство пришло къ заключенію, что проникнуть въ Хиву съ войскомъ невозможно ни зимой ни лѣтомъ.

Однако къ началу 70-хъ годовъ наше положеніе въ Средней Азіи измѣнилось много къ лучшему. Къ этому времени мы владѣли уже Туркестаномъ, Кокандомъ, Бухарой и восточнымъ побережьемъ Каспійскаго моря, и такимъ образомъ Хивинское ханство со всѣхъ сторонъ, за исключеніемъ южной части, было окружено русскими владѣніями.

Однако, благодаря нашимъ прежнимъ неудачамъ, хивинцы были увѣрены въ своей безнаказанности и продолжали нападать на наши окраины и грабить мирныхъ жителей.

Среди киргизъ, кочевавшихъ на границѣ россійскихъ владѣній, происходили постоянныя волненія и колебанія. Одна часть тянула къ хивинцамъ и желала полнаго отдѣленія отъ Россіи, другая, болѣе благоразумная, была на сторонѣ Россіи.

II.

Среди киргизовъ у меня въ то время было много знакомыхъ и даже друзей. Я родился и выросъ среди киргизскаго населенія и воспитывался въ Омскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ было также много киргизскихъ мальчиковъ. По-

стоянно вращаясь съ киргизскими дѣтьми, я научился довольно бѣгло болтать по-киргизски, поэтому всегда встрѣчалъ радушный пріемъ даже среди совершенно незнакомыхъ мнѣ киргизовъ, когда приходилось бывать у нихъ въ степи по дѣламъ.

Между прочимъ, среди моихъ сверстниковъ-киргизовъ у меня былъ даже одинъ тамыръ, по имени Аладжанъ, съ которымъ я еще во время ранней юности заключилъ, по киргизскому обычаю, неразрывную дружбу на всю жизнь.

Обычай тамырства у киргизовъ заключается въ слѣдующемъ. Желающіе сдѣлаться тамырами, т.-е. друзьями, закрѣпляютъ свою дружбу тѣмъ, что обнимаются и прижимаютъ другъ друга къ голой груди черезъ обнаженный мечъ, причемъ даютъ клятву всегда и во всемъ помогать другъ другу. Тамыръ можетъ взять у своего друга любую, понравившуюся ему вещь, и владѣлецъ этой вещи не въ правѣ отказать ему; даже и тогда, когда выборъ тамыра падетъ на его дочь, которую онъ потребуетъ себѣ въ жены, тамыръ долженъ ее выдать за него. Отказъ въ этомъ случаѣ явился бы вызовомъ на вѣчную непримиримую вражду, сопровождающуюся у киргизовъ обыкновенно барантой, т.-е. взаимнымъ угономъ другъ у друга скота, и кровавой местью.

И вотъ, будучи еще подростками, когда такъ вѣрится въ дружбу, мы заключили съ Аладжаномъ это тамырство и рѣшили свято блюсти дружбу до самой смерти. Конечно, я не сталъ бы требовать руки дочери моего друга, если бы она у него была, но я все-таки старался быть вѣрнымъ и неизмѣннымъ его другомъ; онъ, какъ я былъ увѣренъ, со своей стороны, отвѣчалъ мнѣ такой же привязанностью. Мы оба сильно желали чѣмъ-либо доказать искренность своихъ чувствъ и намѣреній не на словахъ только, а и на дѣлѣ; но, къ сожалѣнію, такого случая не представлялось, и приходилось ограничиваться лишь мелкими услугами.

Аладжану, какъ и мнѣ, было всего 25 лѣтъ, но онъ

уже лѣтъ семь какъ былъ женатъ и въ тотъ годъ, съ котораго начинаются разсказываемыя событія, кочевалъ со своими табунами лошадей и стадами барановъ въ Киргизской степи, неподалеку отъ линіи, гдѣ былъ расположенъ нашъ батальонъ. Въ свободное отъ службы время я довольно часто навѣщалъ его, и мы вмѣстѣ отправлялись на охоту.

Аладжанъ былъ сынъ богатаго киргизскаго бія (судьи).

Киргизская кочевка.

Отецъ его велъ торговлю съ Бухарой и Хивой, пользовался значительнымъ вліяніемъ на окружающихъ киргизовъ и былъ сторонникомъ Россіи, поэтому у него было много враговъ въ противномъ лагерѣ, старавшихся вредить ему. Однако это ничуть не смущало умнаго стараго киргиза: онъ совершенно открыто защищалъ всѣ выгоды для киргизовъ отъ подданства Россіи, а никакъ не Хивѣ.

Однажды, въ какой-то праздничный день, я отправился по обыкновенію въ кочевку моего тамыра, чтобы поохотиться вмѣстѣ съ нимъ въ степи. Была середина апрѣля, погода

стояла прекрасная, и степь только-что одѣлась въ свой пышный весенній нарядъ. Переходъ отъ зимы къ лѣту въ киргизскихъ степяхъ бываетъ чрезвычайно быстро. Еще какихъ-нибудь недѣли полторы-двѣ назадъ эта степь представляла собою совершенно однообразную, покрытую снѣгомъ равнину, на широкомъ просторѣ которой вихремъ крутили снѣжныя вьюги,—и вотъ, стоило постоять нѣсколькимъ теплымъ днямъ, какъ картина сразу же измѣнилась: снѣгъ исчезъ, и угрюмая нагота равнинъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, покрылась сплошнымъ ковромъ, сотканнымъ изъ яркихъ и разнообразныхъ цвѣтовъ.

Я всегда любилъ это первое пробужденіе весны въ степи и испытывалъ особое наслажденіе нестись верхомъ на конѣ по необозримой зеленѣющей равнинѣ, вдыхать полной грудью свѣжій ароматъ ея цвѣтовъ и чувствовать вокругъ себя приволье и свободу. Въ особенности хороша бываетъ степь по утрамъ: въ ней есть въ это время какое-то необъяснимое очарованіе.

— Знаешь что?—сказалъ Аладжанъ, когда мы, закусивъ пилавомъ и напившись кумысу, приготовились отправиться на охоту:—не лучше ли было бы тебѣ военную-то форму снять и переодѣться въ киргизскую одежду,—можешь взять у меня, сколько угодно. А то теперь, самъ знаешь, какое время. Тутъ рыщутъ не одни только враждебные русскимъ киргизы, но и хивинцы. Завидятъ русскаго офицера,—какъ бы травлю на тебя не учинили.

— Вотъ вздоръ какой! Что ты меня трусомъ, что ли, считаешь?—возразилъ я.

— Зачѣмъ трусомъ; но осторожность никогда не мѣшаетъ.

— Спасибо за совѣтъ. Нѣтъ, къ чему этотъ маскарадъ! Пусть нападутъ, однимъ приключеніемъ больше, вотъ и все,—разсмѣялся я.

— Ну, какъ знаешь,—замѣтилъ Аладжанъ.

Мы пробыли на охотѣ до вечера и застрѣлили нѣсколько дрохвъ, утокъ и гусей, такъ что возвратились на кочевку съ полными ягдташами.

Было уже около полуночи, когда послѣ обильнаго ужина, сооруженнаго намъ хозяйкою Аладжана, я собрался возвращаться домой.

— Оставайся ночевать; теперь опасно ночью возвращаться,—сталъ опять уговаривать меня мой другъ.

Киргизы за обѣдомъ.

— Благодарю; но завтра мнѣ рано на дежурство; остаться ночевать не могу. А относительно опасности,—это на что?—указалъ я на семизарядный револьверъ, которые тогда только-что появились.

— Такъ я тебя провожу до лагерей, — сказалъ тамыръ.

— И не выдумывай. Маленькій я, что ли? Уже больше полуночи, ты и такъ утомился на охотѣ, надо спать. Нѣтъ, другъ, провожать не надо: доѣду и одинъ.

И, несмотря на настойчивыя предложенія Аладжана, я

категорически отказался отъ его проводовъ, даже чуть не поссорился съ нимъ изъ-за этого.

Мы разстались. Вскочивъ на лошадь, я поѣхалъ крупной рысью. Ѣхать мнѣ нужно было все степью, верстъ десять, по едва виднѣвшейся, проложенной колесами неуклюжей киргизской арбы, колеѣ. Ночь была довольно свѣтлая, лунная. Я проѣхалъ уже около половины дороги, оставалось не болѣе пяти верстъ до мѣста, какъ вдругъ навстрѣчу мнѣ показалось нѣсколько всадниковъ, ѣхавшихъ по той же самой дорогѣ. „Вѣроятно, люди изъ кочевки Аладжана возвращаются“,—подумалъ я.

Всадники приближались. Вотъ при лунномъ свѣтѣ я сталъ уже ясно различать ихъ фигуры. Ихъ было человѣкъ семь, но, судя по одеждѣ и въ особенности по длиннымъ, круглымъ мерлушковымъ шапкамъ на головахъ, это были не киргизы, а скорѣе туркмены.

Мною стало овладѣвать безпокойство. Я тихонько вытащилъ изъ кобуры на всякій случай револьверъ, но съ дороги не свернулъ въ сторону, а продолжалъ ѣхать прямо на всадниковъ, чтобы не подать виду, что я ихъ боюсь.

— Кто такой? Куда ѣдешь? — спросилъ по-киргизски передовой всадникъ, поровнявшись со мной и останавливая лошадь.

— Офицеръ русской службы; а вы кто такіе? — спросилъ я, въ свою очередь, не останавливая лошади.

— Офицеръ!?—съ нескрываемою радостью разомъ повторили нѣкоторые изъ всадниковъ, загораживая мнѣ дорогу конями и окружая меня.

— Эй, прочь съ дороги!—вскричалъ я, направляя дуло револьвера на загородившаго мнѣ дорогу головорѣза и видя, что дѣло тутъ пахнетъ не шуткой.

— Куда спѣшишь? Подожди немного, поговоримъ,— сказалъ, сворачивая съ дороги, всадникъ. — Вишь какой сердитый!

Я пришпорилъ лошадь, чтобы проскочить мимо этихъ людей, но вдругъ почувствовалъ, что ловко заброшенный на мою шею арканъ сдавилъ мнѣ горло, и, судорожно сжавъ собачку у револьвера и выстрѣливъ на воздухъ, я, точно куль, шлепнулся на землю и потерялъ сознаніе.

III.

Когда я очнулся, было уже свѣтло. Я оказался лежащимъ поперекъ сѣдла на скачущей лошади, связанный по рукамъ и ногамъ. Позади меня сидѣлъ туркменъ, правившій лошадью. Лежать мнѣ было страшно неудобно; я испытывалъ ужасныя мученія, все тѣло мое казалось разбитымъ. Я сталъ просить своего мучителя, чтобы онъ далъ мнѣ возможность сѣсть поудобнѣе, но, вмѣсто отвѣта, получилъ такой ударъ, что больше не захотѣлъ унижаться. Возлѣ насъ скакало еще нѣсколько всадниковъ, очевидно, тѣ самые, съ которыми у меня произошла роковая встрѣча.

Туркмены ѣхали все время галопомъ и до самаго вечера не останавливаясь на отдыхъ; повидимому, они опасались погони. Нужно было удивляться выносливости туркменскихъ лошадей, скакавшихъ безъ передышки по цѣлымъ днямъ.

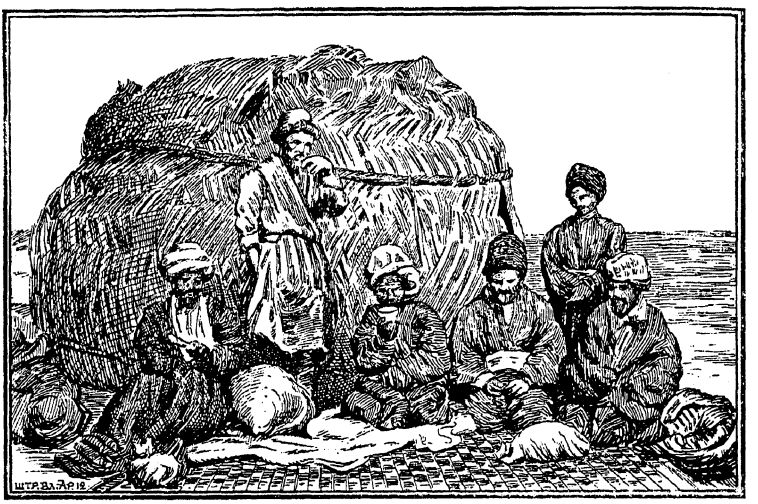
Но вотъ въ степи показалась раскинутая у небольшого ручья кочевка, къ которой и подъѣхали всадники, привѣтствуемые радостными возгласами находившихся на кочевкѣ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Оказалось, что всѣ они были изъ этой же самой кочевки.

Меня стащили съ лошади, но, чтобы я не могъ убѣжать, надѣли мнѣ на шею желѣзный ошейникъ и привязали короткою цѣпью, какъ собаку, къ крѣпкому столбу и, какъ собакѣ же, бросили нѣсколько костей для утоленія голода.

Но, повидимому, туркмены и здѣсь не чувствовали себя въ безопасности, потому что на другой же день снялись со

стоянки и отправились далѣе на югъ, по направленію къ Усть-Урту.

Убѣдившись, что всѣ мои кости цѣлы и никакихъ особыхъ поврежденій на моемъ тѣлѣ нѣтъ, туркмены уже не сочли нужнымъ сажать меня верхомъ на лошадь, а одинъ изъ нихъ привязалъ къ моему ошейнику длинную веревку



Туркмены-текинцы.

и, прикрѣпивъ другой ея конецъ къ лукѣ своего сѣдла, заставилъ меня бѣжать слѣдомъ за своей лошадью.

И такъ изо дня въ день, въ продолженіе двухъ недѣль, мы двигались, лишь съ небольшими остановками, по направленію къ югу, пока не достигли залива Кара-Бугасъ на Каспійскомъ морѣ, гдѣ туркмены расположились на болѣе продолжительную стоянку.

Какъ за русскаго офицера, туркмены надѣялись получить за меня съ русскаго правительства большой выкупъ и потому тотчасъ же по прибытіи на Кара-Бугасъ дали знать черезъ своихъ людей русскимъ властямъ, что у нихъ въ

плѣну находится офицеръ, взятый около Орска, который можетъ быть отпущенъ ими лишь за извѣстное вознагражденіе.

Но мнѣ было извѣстно, что ничего изъ этого не выйдетъ, такъ какъ въ то время русское правительство, не желая поощрять этотъ промыселъ хивинцевъ, рѣшило никого не выкупать. Я зналъ объ этомъ, но, конечно, молчалъ.

Однажды,—дѣло было уже подъ осень,—къ нашей кочевкѣ подошелъ караванъ хивинскихъ купцовъ, возвращавшійся изъ Россіи по направленію къ Хивѣ. Узнавъ, что здѣсь есть русскій плѣнникъ, за котораго хозяева кочевки надѣются получить выкупъ, хивинцы стали разувѣрять ихъ, что никакого выкупа русское правительство не дастъ, что они сами читали и видѣли объявленія объ этомъ, что оно скорѣе пошлетъ въ степь вооруженную карательную экспедицію, чѣмъ вступить въ торгъ по этому дѣлу, а потому имъ лучше быть подальше отъ береговъ Каспійскаго моря.

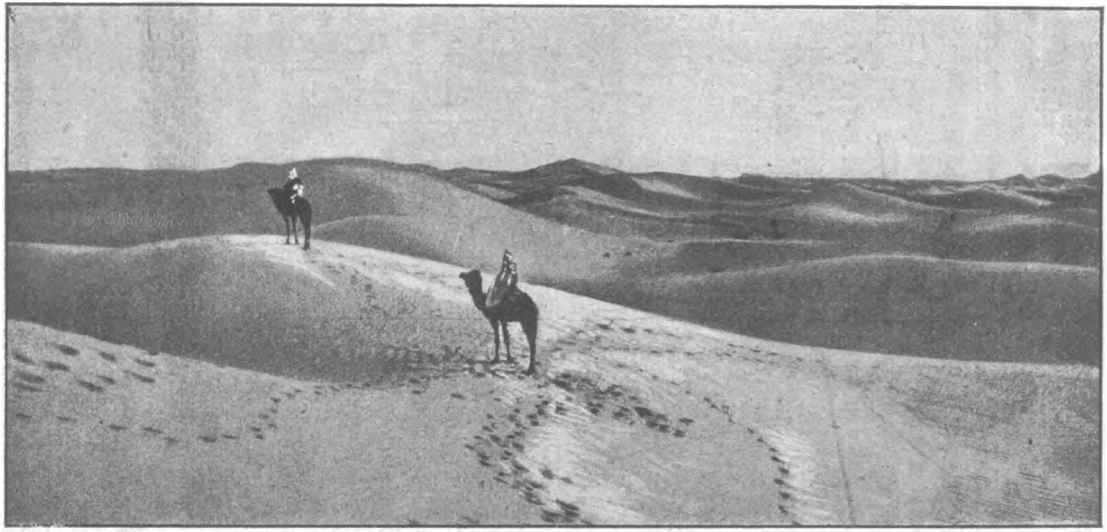
— Такъ что же намъ дѣлать съ этой собакой? Остается одно—убить ее,—вскричали разочарованные туркмены.

— Зачѣмъ убивать? Продайте мнѣ, а я перепродамъ его въ Хивѣ,—сказалъ одинъ изъ хивинскихъ купцовъ.

Меня окружили покупатели и съ любопытствомъ начали разглядывать, причемъ обращались со мной такъ, какъ обращаются барышники при покупкѣ лошади: раскрывали мнѣ ротъ и смотрѣли, цѣлы ли зубы; щупали крѣпость моихъ мускуловъ и, держа за веревку, привязанную къ моему ошейнику, били меня кнутомъ и заставляли прыгать и дѣлать разныя тѣлодвиженія, точно желая опредѣлить степень моей подвижности и рѣзвости. Наконецъ одинъ изъ покупщиковъ предложилъ туркменамъ какую-то сумму, и торгъ состоялся. Я перешелъ во владѣніе хивинца.

На слѣдующій же день караванъ отправился въ дальнѣйшій путь, лежавшій черезъ ужасную пустыню Кара-Кумъ.

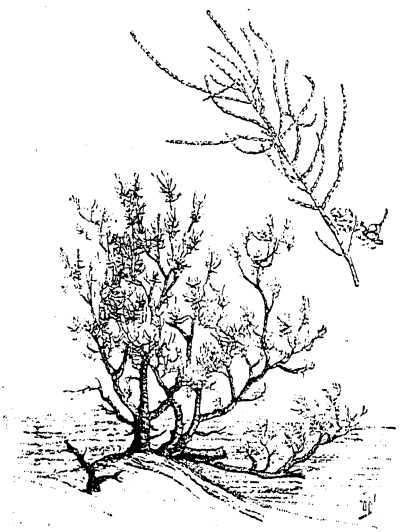
Хивинецъ, какъ и туркменъ, не посадилъ меня на вер-



Пустыня.

блюда, а привязалъ за веревку къ хвосту послѣдняго и въ такомъ видѣ заставилъ меня слѣдовать за караваномъ.

Черезъ нѣсколько переходовъ степь начала становиться все безплоднѣе, и мало по малу передъ нами стала развертываться настоящая пустыня во всемъ своемъ величіи. Вотъ все чаще и чаще стали встрѣчаться барханы — отдѣльные песчаные холмы, пока наконецъ не начались сплошные пески, лишь кое-гдѣ прерываемые небольшими площадками солонцеватой глины.



Саксаулъ.

Впрочемъ, и здѣсь, въ этой песчаной и, повидимому, совершенно безплодной мѣстности, встрѣчалась иногда своеобразная растительность. Такъ, склоны многихъ песчаныхъ холмовъ были покрыты хотя и рѣдкимъ, но довольно высокимъ кустарникомъ и даже цѣлыми лѣсами. Но что это были за лѣса и что за кустарники!

Во-первыхъ, здѣсь между кустарниками нѣтъ травы, а одинъ лишь голый, сыпучій песокъ. Листья кустовъ и деревьевъ не зеленаго цвѣта, а сѣрые или зеленовато-сѣрые; они чрезвычайно мелки, рѣдки и не даютъ почти никакой тѣни, такъ что лучи солнца насквозь прорѣзываютъ самый густой кустъ и накаляютъ песокъ; поэтому въ такомъ лѣсу еще болѣе жарко и душно, чѣмъ на голыхъ холмахъ, и нѣтъ никакой прохлады. Среди растеній этой пустыни особенно замѣчательно дерево саксаулъ. Но не радуетъ путника въ пустынѣ саксауловый лѣсъ, только тоску нагоняетъ своимъ

унылымъ, мертвымъ видомъ. Не слышно въ немъ ни пѣнія птицъ ни стрекотанія кузнечиковъ, даже шума листьевъ незамѣтно, потому что листьевъ настоящихъ у него и нѣтъ, а вмѣсто нихъ какіе-то зеленовато-сѣрые бугорки, покрывающіе вѣтви, точно лишайники.

Животныя здѣсь тоже особенныя. Повидимому, пустыня безжизненна, нѣтъ въ ней ни одного живого существа. Но, всмотрѣвшись внимательнѣе, вы замѣтите на пескѣ какіе-то сѣрые комочки. Если вы подойдете поближе къ такому комочку, онъ встрепенется, побѣжитъ отъ васъ и куда-то исчезнетъ. Это ящерицы, которыми такъ изобилуетъ пустыня. Но и птицы здѣсь тоже странныя, точно какія-то тѣни, безшумно вспархивавшія, въ особенности жаворонки.

Чѣмъ далѣе подвигался караванъ на востокъ, тѣмъ все пустыннѣе и безводнѣе становилась мѣстность. Вода въ этихъ пустыняхъ была только въ колодцахъ. Но разстоянія между колодцами бывали иногда очень велики, а между тѣмъ жара въ безводной пустынѣ была страшная. И люди и животныя страшно утомлялись во время такихъ переходовъ отъ колодца къ колодцу. Наконецъ дневной жаръ настолько усилился, что караванъ началъ дѣлать переходы уже послѣ заката солнца, съ наступленіемъ ночной темноты. Однако довольно сильный южный вѣтеръ и ночью не приносилъ прохлады, а дѣлалъ атмосферу лишь болѣе удушливой. Часа черезъ два-три послѣ выхода со стоянки караванъ уже молча шелъ въ темнотѣ. Не слышно было ни крика верблюдовъ ни говора людей, раздавались только тяжелые мѣрные шаги вьючныхъ животныхъ. Всѣхъ томила усталость, всѣмъ хотѣлось отдохнуть, но переходъ великъ,— необходимо сдѣлать до ближайшихъ колодцевъ еще около десятка верстъ.

Но вотъ и колодцы. Колодцы! Это слово звучитъ, какъ радостная музыка, въ ушахъ усталыхъ путниковъ, а между тѣмъ колодцы въ пустынѣ далеко не привлекательны. Это

ямы, гдѣ скопляется солоноватая, грязная и протухшая вода, въ которой плаваютъ піявки, лягушки и мокрицы. Но утомленному и умирающему отъ зноя и жажды путнику и такіе колодцы кажутся настоящимъ наслажденіемъ. Дѣлаютъ привалъ, съ верблюдовъ снимаютъ тяжелые вьюки и пускаютъ побродить на свободѣ. Затѣмъ, наскоро изготовивъ обѣдъ и умывшись, люди съ наслажденіемъ смыкаютъ глаза.

А на слѣдующее утро опять въ путь.

И такъ изо дня въ день, въ теченіе болѣе трехъ недѣль, шелъ нашъ караванъ по направленію къ Хивѣ, и во

Навьюченные верблюды.

всю эту трудную дорогу я долженъ былъ итти привязанный за веревку къ хвосту верблюда, изнемогая отъ усталости, жажды и нестерпимыхъ мученій, и молилъ Бога о ниспосланіи мнѣ смерти,—но смерть не приходила. Отъ жажды, усталости и истощенія я часто еле волочилъ ноги, но ни на минуту не могъ останавливаться, потому что тогда верблюдъ началъ бы волочить меня за веревку по землѣ. А между тѣмъ воды мнѣ давали только по каплямъ, такъ какъ въ

дорогѣ она была дорога, и то давали только тогда, когда уже видѣли, что я могу умереть отъ жажды и такимъ образомъ лишить своего хозяина того барыша, который онъ предполагалъ выручить за мою продажу. Понятно поэтому, что мнѣ болѣе, чѣмъ кому-либо въ караванѣ, были желательны и привлекательны остановки у колодцевъ. Пока привычные кочевники въ нѣсколько минутъ развьючивали верблюдовъ и разводили костеръ, я, наскоро утоливъ жажду, падалъ на землю и засыпалъ, какъ убитый, нерѣдко не дождавшись, когда хозяева бросятъ мнѣ оставшіяся отъ ихъ трапезы крохи, чтобы утолить ими мучительный голодъ. Сонъ въ этомъ случаѣ былъ милѣе ѣды.

IV.

Въ одинъ прекрасный день вдали показался зеленѣющій оазисъ. Кто не путешествовалъ въ пустынѣ и не испыталъ всѣхъ трудностей пути по ней, тому никогда не понять чувства, которое овладѣваетъ путешественникомъ при видѣ зеленѣющаго оазиса послѣ многихъ дней странствованія среди безводныхъ песковъ, гдѣ глазу не на чемъ остановиться, кромѣ однообразныхъ песчаныхъ бугровъ. Воображеніе рисуетъ ему этотъ оазисъ настоящимъ раемъ, гдѣ бьютъ освѣжающія струи изъ фонтановъ, гдѣ щебечутъ хоры райскихъ птицъ, и гдѣ тѣнь, и прохлада, и изобиліе всякихъ благъ земныхъ.

Оазисъ оказался очень густо населеннымъ кочевниками. Всюду виднѣлись группы кибитокъ, разбитыхъ среди зелени деревьевъ, а далѣе, въ глубинѣ оазиса, были разбросаны кишлаки, тоже утопавшіе въ зелени садовъ.

Здѣсь у моего хозяина былъ свой зимній кишлакъ, гдѣ мы и остановились. Мнѣ предоставили сравнительную свободу, освободивъ отъ ручныхъ кандаловъ, такъ какъ побѣгъ от-

сюда считали уже невозможнымъ. Дѣйствительно, не зная дороги, бѣжать черезъ мертвую, ужасную пустыню было бы безуміемъ. При первой же встрѣчѣ съ туземцами, послѣдніе сейчасъ же узнали бы во мнѣ русскаго, а съ бѣглыми рабами эти варвары не церемонились. Чтобы отвадить отъ попытокъ къ бѣгству, туркмены и хивинцы разрѣзывали иногда икры ногъ у невольниковъ и въ раны насыпали мелко изрѣзаннаго конскаго волоса. Такимъ образомъ одна попытка къ бѣгству стоила бы большого риска.

Хива отстояла отъ этого оазиса еще довольно далеко, путь къ ней лежалъ снова черезъ пустыню; а такъ какъ была уже осень, то мой хозяинъ, изъ-за осеннихъ работъ, отложилъ поѣздку въ Хиву до весны.

Оазисъ былъ однимъ изъ плодороднѣйшихъ. Обитатели его сѣяли пшеницу, сорго, ячмень, дававшіе прекраснѣйшіе урожаи, а кромѣ того онъ весь былъ въ садахъ: виноградъ, персики, абрикосы виднѣлись всюду, а на бахчахъ лежали огромныя бухарскія дыни и арбузы.

На меня возложили обязанность пасти стадо барановъ, и послѣ пережитыхъ испытаній я не могъ особенно жаловаться на судьбу, хотя со мною обращались хуже, чѣмъ съ какой-либо дворовой собакой. Пока я не освоился, какъ слѣдуетъ, съ языкомъ, который былъ, впрочемъ, сходенъ съ киргизскимъ, мнѣ часто изъ-за непониманія приказаній моихъ хозяевъ больно доставалось. При малѣйшей неточности въ исполненіи какого-либо приказанія или оплошности, на меня сыпались удары и пинки. Ѣсть мнѣ давали только остатки костей, выбрасываемыхъ хозяевами возлѣ кибитки.

Вообще эти дикари смотрѣли на своихъ рабовъ не какъ на людей, а какъ на домашнихъ животныхъ; но такъ какъ рабы были все-таки разумными существами, то къ нимъ относились даже хуже, чѣмъ къ неразумнымъ, предполагая, что они и сами могутъ о себѣ промыслить, если что надо.

Днемъ я гонялъ овецъ въ горы на пастбище, и это

было лучшее для меня время, такъ какъ я оставался тамъ наединѣ съ самимъ собой и природой. Я обдумывалъ, какимъ бы образомъ мнѣ спастись изъ этого ужаснаго плѣна; но избавить отъ него меня могло бы развѣ только чудо.

V.

Зима миновала. Пришла весна. Мой хозяинъ собрался въ путь въ Хиву.

Заковавъ меня въ ручныя цѣпи, онъ снова накинулъ мнѣ на шею веревку и повелъ, какъ лошадь или корову, продавать на невольничій рынокъ.

Не буду описывать всѣ ужасы, которые привелось мнѣ испытать на этомъ пути. Какъ бы то ни было, а въ одинъ прекрасный день мы прибыли наконецъ въ Хиву—это пресловутое гнѣздо разбойниковъ.

Путникамъ, въѣзжающимъ въ Хиву изъ безплодной пустыни, начинающейся почти около самаго города и составляющей съ Хивинскимъ оазисомъ самый разительный контрастъ, столица Хивинскаго ханства издали кажется очень живописной, настоящимъ земнымъ раемъ, и недаромъ воспѣвается за свою красоту въ пѣсняхъ восточныхъ народовъ. Въ особенности красивы ея окрестности съ ихъ маленькими хавли (двориками), съ высокими тѣнистыми тополями, съ прекрасно воздѣланными полями и лугами, изрѣзанными во всѣхъ направленіяхъ арыками, по которымъ тихо струится искусственно проводимая изъ Аму-Дарьи вода. Да и самый городъ съ его куполами и башнями производитъ издали очень пріятное впечатлѣніе. Но зато внутренность его крайне невзрачна. Дома по большей части состоятъ изъ глиняныхъ мазанокъ, улицы узки, кривы и, смотря по времени года, или непролазны - грязны, или пыльны. И только въ цитадели, гдѣ живетъ ханъ, его придворные и главные чиновники, нѣкоторыя зданія, мечети и

школы построены изъ кирпича; весь остальной городъ—изъ битой глины, какъ и стѣны, окружающія его.

У среднеазіатцевъ обыкновенно всякій самъ строитъ себѣ жилище безъ всякихъ архитекторовъ, поэтому и зданія выходятъ кривы, непрочны и некрасивы. Потолки дѣлаются изъ тонкихъ, короткихъ жердей, накладываемыхъ на балки; жерди покрываются цыновками, камышомъ, засыпаются зе-

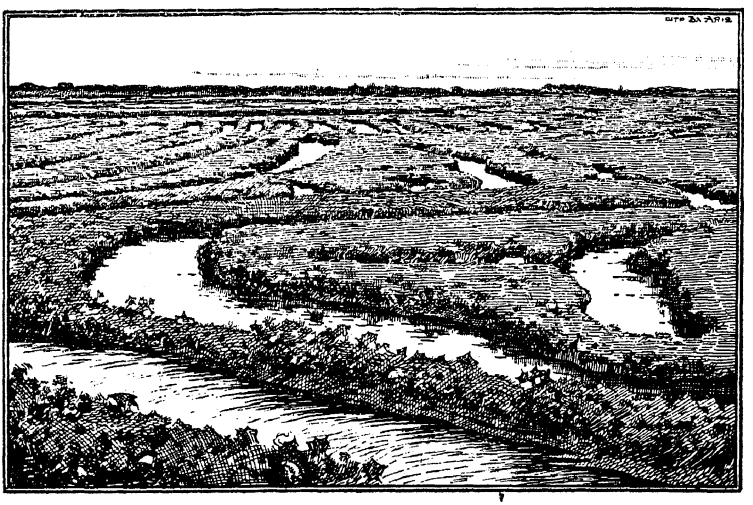
Чайная.

млею, и все это смазывается толстымъ слоемъ глины. Рѣшетчатыя окна малы и зимою заклеиваются восковою или пропитанною жиромъ бумагою.

Жилыя помѣщенія по большей части одноэтажныя и раздѣляются на двѣ половины: мужскую и женскую, или гаремъ. Печей въ домахъ нѣтъ; зимою обыкновенно грѣются, раскидывая горячіе угли въ выдолбинѣ, сдѣланной въ плотно

утрамбованномъ земляномъ полу, среди комнаты, или въ какой-либо посудинѣ, надъ которою ставятъ табуретъ, покрытый одѣяломъ, опускающимся до земли; садясь вокругъ жаровни, туземцы этимъ одѣяломъ покрываютъ себѣ ноги.

Убранство комнатъ составляютъ русскіе сундуки, покрытые коврами; у богатыхъ же коврами застилаются и полы. Кромѣ сундуковъ, у хивинцевъ другой мебели нѣтъ.



Орошаемое поле у сартовъ.

Отъ главныхъ воротъ мы направились къ серединѣ города по большой улицѣ, по обѣимъ сторонамъ которой расположены лавки, чайныя и цырюльни. Какъ и окрестныя поля, городъ по всѣмъ направленіямъ прорѣзывали арыки, обрамленные разсаженными вдоль нихъ тѣнистыми аллеями, скрашивавшими его неприглядный внутренній видъ.

Мой хозяинъ привелъ меня прямо на „Китчикъ-караванъ-сарай“, т.-е. на невольничій рынокъ, гдѣ рабы, совершенно голые, выставлялись на показъ покупателямъ.

Къ моему счастью, мнѣ недолго привелось подвергаться

этой позорной выставкѣ. Какъ разъ въ это время по рынку ходилъ одинъ изъ приближенныхъ хана; узнавъ, что тутъ продается русскій офицеръ, онъ, не торгуясь, заплатилъ за меня требуемую сумму и велѣлъ отвести меня на свой дворъ, находившійся въ цитадели. Какъ оказалось потомъ, мой новый владѣлецъ хотѣлъ преподнести меня въ качествѣ подарка своему повелителю, отыскивавшему въ то время свѣдущихъ людей для обученія военному искусству на европейскій образецъ своихъ полудикихъ, неорганизованныхъ шаекъ наѣздниковъ.

VI.

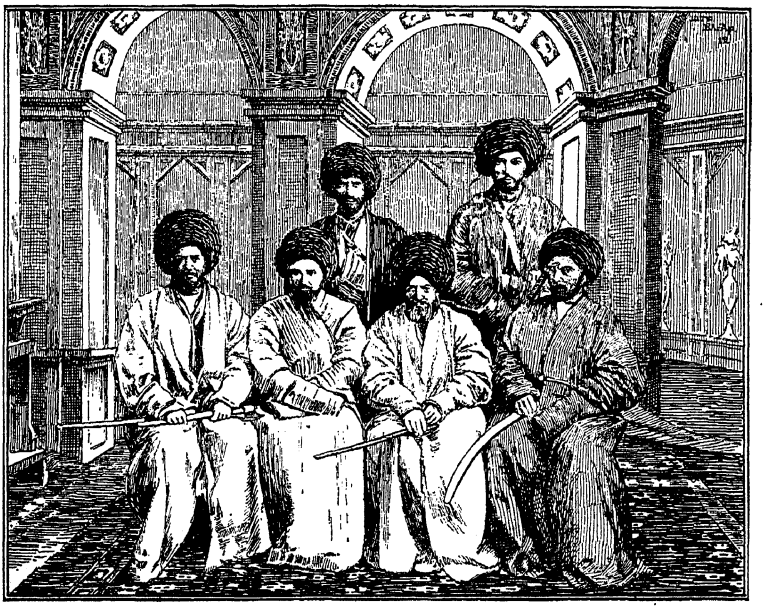
Ханомъ въ Хивѣ въ то время былъ развращенный, недалекій, необузданный и жестокій тиранъ Сеидъ-Магомедъ-ханъ, ненавидимый за свою жестокость даже своими подданными.

На слѣдующій же день мой новый хозяинъ повелъ меня во дворецъ къ хану.

Чтобы попасть въ ханскій дворецъ, нужно было пройти черезъ нѣсколько дворовъ, на которыхъ тѣснился народъ. На одномъ изъ этихъ дворовъ мнѣ пришлось присутствовать, въ ожиданіи выхода хана, при такихъ сценахъ, отъ одного воспоминанія о которыхъ у меня и теперь поднимаются дыбомъ волоса.

На дворѣ находилось нѣсколько сотъ военноплѣнныхъ, оборванныхъ чаудоровъ, возставшихъ противъ хана; отъ мучившаго ихъ страха въ ожиданіи своей участи и отъ голода, которымъ ихъ морили въ теченіе нѣсколькихъ дней, они были похожи на мертвецовъ. Ихъ раздѣлили на двѣ половины: на недостигшихъ еще сорока лѣтъ и годныхъ для продажи въ рабы и на аксакаловъ (сѣдовласыхъ вождей), которыхъ ожидала казнь. Первыхъ, сковавъ по десяти и пятнадцати человѣкъ вмѣстѣ желѣзными ошейниками, увели прочь; остальные покорно ожидали своей участи. По знаку

палача, человѣкъ десять стариковъ легли на спину на землю. Ихъ связали по рукамъ и по ногамъ, и палачъ, упираясь колѣномъ въ грудь несчастныхъ, началъ поочередно вырывать имъ глаза, послѣ каждой такой операціи вытирая свой ножъ, облитый кровью, о сѣдую бороду несчастнаго слѣпца. Послѣ каждаго такого звѣрства, жертву развязывали и осво-



Типы хивинцевъ, узбековъ.

бождали, и она начинала разводить руками и ощупывать ногами землю. Многіе сталкивались другъ о друга, падали, снова вставали и снова падали, испуская тихіе стоны, одно воспоминаніе о которыхъ и до сихъ поръ ледянитъ мое сердце.

Впрочемъ, нужно сказать, что подобныя жестокости въ то время были освящены и религіей, и законами, и обычаями, а потому считались вполнѣ естественными, и публика относилась къ нимъ совершенно хладнокровно.

Жестокость эта практиковалась не только по отношенію къ побѣжденнымъ врагамъ, но и по отношенію къ подданнымъ хана. Желая показать себя защитникомъ религіи, Сеидъ-Магомедъ-ханъ вздумалъ наказывать всѣ отступленія отъ ея постановленій съ величайшею строгостью. Мужчинъ, уличенныхъ, напр., въ супружеской невѣрности, вѣшали, а женщинъ зарывали по грудь около висѣлицы соблазнителя и побивали, вмѣсто каменьевъ, которыхъ въ Хивѣ нѣтъ, твердыми земляными комьями, причемъ несчастная жертва, послѣ нѣсколькихъ залповъ такими комьями, бывала страшно обезображиваема, окровавлена и покрыта землею, и только смерть полагала конецъ ея мученіямъ. Но смертная казнь полагалась и во многихъ другихъ случаяхъ: почти не проходило дня, чтобы кто-либо не выходилъ изъ аудіенціи хана, не услышавъ словъ: „Алибъ баринъ!“ (т.-е. долой его).

А какіе обычаи практиковались во время усмиреній непокорныхъ подданныхъ, нерѣдко возстававшихъ противъ своего владыки,—объ этомъ можно судить изъ наградъ, раздававшихся чиновниками хана за головы убитыхъ враговъ. Награды эти состояли изъ особыхъ шелковыхъ халатовъ яркихъ красокъ и съ большими золотыми цвѣтами, затканными по фону. Ихъ называли четырехголовыми, двѣнадцатиголовыми, двадцати- и сорокаголовыми, хотя никакихъ головъ на нихъ изображено и не было. Но они раздавались, какъ почетная награда, тѣмъ изъ подданныхъ хана, которые представляли извѣстное число непріятельскихъ головъ особому чиновнику, завѣдывавшему раздачею этихъ халатовъ.

На одной изъ площадей города засѣдалъ особый чиновникъ, и въ извѣстный часъ дня къ нему прибывали изъ пустыни цѣлыми сотнями всадники, каждый изъ которыхъ везъ съ собою привязаннаго къ сѣдлу или къ лошадиному хвосту плѣнника — мужчину, или женщину, или ребенка. Кромѣ того, къ сѣдлу были привязываемы огромные мѣшки съ непріятельскими головами — свидѣтельствомъ геройскихъ

подвиговъ. Плѣнниковъ дарили хану или его приближеннымъ сановникамъ, а потомъ развязывали мѣшки, брали ихъ за два нижніе конца и, точно дѣло шло объ арбузахъ или рѣпѣ, выкатывали бородатыя и безбородыя головы передъ

Сартъ.

счетчикомъ, который, пересчитавъ, отбрасывалъ ихъ ногою въ сторону, гдѣ образовалась огромная куча въ нѣсколько сотенъ головъ; а каждый изъ героевъ получалъ расписку въ количествѣ доставленныхъ головъ и соотвѣтствующій халатъ.

И удивительно: публика настолько привыкла къ подобнымъ зрѣлищамъ, что равнодушно относилась къ ихъ виду, точно дѣло шло не о человѣческихъ жизняхъ, а о торговлѣ тушами барановъ или поросятъ на мясномъ рынкѣ.

Пока мы стояли на одномъ изъ дворовъ, толпа вдругъ заволновалась, и по ней пронесся говоръ:—„Хазретъ, самъ хазретъ идетъ сюда!“

Хазретъ—это титулъ государя въ Средней Азіи, то же, что у насъ „величество“.

Дѣйствительно, въ почтительно разступившейся толпѣ показался ханъ въ сопровожденіи своей свиты. Это былъ смуглый мужчина, съ длинной, густой бородой, падавшей ему на грудь, съ грубыми чертами лица, въ большой мѣховой шапкѣ на головѣ.

Мой хозяинъ съ раболѣпнымъ видомъ подошелъ къ нему и, указывая на меня, сказалъ:

— Вотъ, ваше величество, русскій офицеръ. Осчастливь твоего вѣрноподданнаго, не откажи принять его отъ меня въ подарокъ.

Ханъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на меня и спросилъ:

— Ты говоришь по-нашему?

— Да, ваше величество,—отвѣтилъ я.

— Это хорошо,—сказалъ ханъ.—Хочешь у меня служить: обучать военному искусству моихъ воиновъ?

— Я буду дѣлать то, что прикажете,—сказалъ я.

— Я сдѣлаю тебя своимъ приближеннымъ, дамъ тебѣ въ жены дочь самаго богатаго и знатнаго моего придворнаго, но только подъ однимъ условіемъ: ты долженъ перейти въ нашу вѣру. Согласенъ?

— Нѣтъ, ваше величество: вѣру я не могу перемѣнить,—возразилъ я.

Лицо хана побагровѣло отъ гнѣва. Онъ не привыкъ къ противорѣчію.

— Почему?—сердито спросилъ онъ.

— Вы первый, ваше величество, не стали бы уважать меня и довѣрять мнѣ, если бы я изъ-за земныхъ выгодъ перемѣнилъ вѣру отцовъ своихъ. Мѣнять вѣру могутъ люди

только или по убѣжденію, или изъ-за какихъ-либо выгодъ. Кто мѣняетъ изъ-за выгодъ, тотъ негодный человѣкъ и заслуживаетъ одно презрѣніе.

Мой смѣлый и откровенный отвѣтъ, повидимому, произвелъ на хана благопріятное впечатлѣніе. Въ его глазахъ мелькнула какая-то затаенная мысль.

— Ну, это мы посмотримъ. Отведите его въ число другихъ моихъ рабовъ,—обратился онъ къ приближеннымъ.

VII.

Со слѣдующаго же дня меня началъ посѣщать самый ученый мулла, очевидно, надѣявшійся совратить меня въ мусульманство, по приказанію хана. Онъ заводилъ со мною разговоръ на религіозныя темы и старался доказать мнѣ преимущество мусульманской вѣры передъ всѣми другими. Но я, разумѣется, не будучи даже богословомъ, безъ труда разбивалъ всѣ его доводы и умствованія.

Недѣли двѣ продолжались эти увѣщанія; наконецъ мулла отчаялся когда-либо сдѣлать изъ меня послѣдователя Магомета и, озлобленный своею неудачею, далъ обо мнѣ хану отзывъ, какъ о закоренѣломъ врагѣ Магометова ученія, и что меня не слѣдуетъ допускать къ обученію воиновъ, такъ какъ это, по его мнѣнію, навлекло бы на хана гнѣвъ Магомета.

Тогда суевѣрный ханъ, призвавъ меня къ себѣ, потребовалъ уже безъ всякихъ увѣщаній, чтобы я отрекся отъ своей вѣры и принялъ исламъ, иначе, въ случаѣ отказа, угрожалъ мнѣ страшными пытками. Но я твердо заявилъ, что никогда и ни при какихъ условіяхъ не откажусь отъ распятаго Христа и готовъ претерпѣть гоненія и смерть за Его имя.

Раздраженный моимъ упорствомъ, ханъ приказалъ бро-

сить меня въ тюрьму и держать въ ней до тѣхъ поръ, пока я не перемѣню своего рѣшенія.

Этотъ, исполненный самомнѣнія, деспотъ воображалъ, что вѣру можно перемѣнить по одному его приказу.

Типъ сарта. Казій, народный судья г. Ташкента.

И вотъ я оказался въ тюрьмѣ, которая была очень похожа на колоколъ, углубленный въ землю аршина на два, со входной массивной дверью, запиравшеюся нѣсколькими толстыми желѣзными пластинами, изъ которыхъ каждая была снабжена особымъ замкомъ. Сверху этого колокола, сложеннаго изъ кирпича и обмазаннаго толстымъ слоемъ глины,

имѣлось круглое окошко съ деревянною рѣшеткою, пропускавшее свѣтъ въ тюрьму. Но внутреннее устройство тюрьмы съ ея куполообразнымъ сводомъ было таково, что заключенному въ ней узнику не было никакой возможности не только уйти черезъ это окно, но и добраться до него.

Когда меня бросили въ эту яму и когда я оглядѣлся въ ней, то пришелъ въ ужасъ. Полъ ея представлялъ настоящую помойку, гдѣ валялись и отбросы пищи, и остатки нечистотъ отъ прежнихъ узниковъ, и даже полуистлѣвшій, разложившійся трупъ одного изъ несчастныхъ, заключенныхъ въ этой тюрьмѣ ранѣе меня. Смрадъ и вонь были до того невыносимы, что у меня закружилась голова, и я былъ близокъ къ обмороку.

Мнѣ казалось, что я сойду съ ума.

Но человѣкъ такъ устроенъ, что удивительно скоро можетъ привыкнуть ко всякому положенію; мало-по-малу освоился съ этимъ новымъ положеніемъ и я.

Не буду говорить о томъ, что мнѣ привелось пережить въ первую же ночь. Конечно, я ни на минуту не могъ сомкнуть глазъ, такъ какъ, несмотря на страшное желаніе спать, я боялся окончательно выпачкаться въ нечистотахъ, и до самаго утра простоялъ на ногахъ, прислонившись къ стѣнѣ. Однако, едва забрезжилъ разсвѣтъ, я все-таки отыскалъ сравнительно чистое мѣстечко и, утомленный, заснулъ, какъ убитый. Сонъ нѣсколько подкрѣпилъ мои силы, и хотя у меня не оставалось никакой надежды выйти отсюда живымъ, однако я все-таки почувствовалъ себя бодрѣе.

Потянулись однообразные, безконечно долгіе дни. Я питался тѣмъ, что бросали мнѣ караульные черезъ небольшое отверстіе, продѣланное въ двери.

Прошло около недѣли, показавшейся мнѣ цѣлой вѣчностью. На седьмой день моего заключенія къ деревянной рѣшеткѣ окна наверху подошелъ посланный отъ хана и, заглянувъ сверху ко мнѣ въ тюрьму, спросилъ у меня:

— Ханъ прислалъ узнать: не перемѣнилъ ли ты свои мысли?

— Нѣтъ,—твердо отвѣтилъ я.

— Ну, такъ сиди тутъ, пока не одумаешься,—сказалъ посланный и ушелъ.

Съ этого дня мнѣ перестали давать ѣсть и пить. Было очевидно, что мнѣ предоставляли на выборъ: или покориться волѣ хана, или умирать голодной смертью.

Дни стояли знойные. Въ моей могилѣ духота была невообразимая, и въ первый же день, оставшись безъ воды, я сталъ испытывать страшныя мученія жажды. Но когда и на второй день мнѣ не дали ни капли воды, я почувствовалъ, что силы мои начинаютъ покидать меня, и что наврядъ ли я проживу долго.

Наступила ночь, ужасная ночь. Я готовился къ смерти, мысленно каялся во всѣхъ своихъ грѣхахъ и просилъ у Бога только одного,—чтобы поскорѣе прекратились мои мученія.

Было, вѣроятно, около полуночи. Измученный и обезсиленный сидѣлъ я, прислонившись спиной къ стѣнѣ, и глядѣлъ вверхъ, гдѣ изъ-за рѣшетки окна свѣтились съ неба ясныя звѣздочки, вспоминалъ о своей далекой родинѣ, о близкихъ моему сердцу родныхъ и думалъ о предстоящей мнѣ лютой смерти.

Вдругъ на крышѣ тюрьмы послышался какой-то шорохъ; кто-то тихими шагами пробирался къ окну тюрьмы.

Я насторожился.

Вотъ полусгнившая деревянная рѣшетка захрустѣла подъ чьими-то дюжими руками, и на меня посыпались щепки и сухіе комья глины, — и въ тотъ же моментъ я услыхалъ чей-то шопотъ:

— Тамыръ, ты живъ?

Сердце мое заколотилось въ груди отъ радостнаго изумленія. Что это? Не сонъ ли? Не брежу ли я наяву? Вѣдь это же голосъ Аладжана, моего вѣрнаго тамыра!

Точно подброшенный пружиной, я вскочилъ на ноги.

— Это ты, Аладжанъ?

— Держи веревку, обвяжи ее вокругъ себя, я тебя вытащу, — шепнулъ мнѣ снова мой другъ, и въ тотъ же мигъ къ моимъ ногамъ упалъ сверху конецъ веревки.

Я не заставилъ себя долго ждать, живо обвязалъ ве-

Сартянки.

ревку вокругъ себя и черезъ двѣ-три минуты былъ въ объятіяхъ своего друга.

— Не надо терять времени, иди за мной, — сказалъ Аладжанъ.

И въ сумеркахъ ночи онъ повелъ меня куда-то въ сторону мимо двухъ караульныхъ, къ моему удивленію, мирно дремавшихъ неподалеку отъ тюрьмы.

Очутившись на свободѣ, я услыхалъ по близости отъ

себя журчанье воды въ арыкѣ, показавшееся мнѣ райскою музыкою, и, почти не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаю, бросился по направленію этого шума и, припавъ къ водѣ, принялся съ жадностью пить, къ величайшему удивленію моего друга. Но если бы онъ зналъ, какія муки я испытывалъ отъ жажды, онъ, конечно, не удивился бы моему поведенію. Догадавшись, въ чемъ дѣло, онъ только тихо прошепталъ:

— Бѣдняга, надо осторожнѣе это дѣлать, а то насъ могутъ увидать!

Нѣсколько глотковъ живительной влаги влили въ меня новыя силы, я почувствовалъ, какъ снова началъ оживать, и бодрѣе зашагалъ слѣдомъ за Аладжаномъ.

Минуя узкія, кривыя, безлюдныя улицы, мы подошли наконецъ къ городской стѣнѣ и, спустившись по ту ея сторону, очутились въ обществѣ еще какого-то киргиза, сторожившаго двухъ осѣдланныхъ лошадей.

— Ну, насъ, кажется, никто не замѣтилъ, а пока завтра отыщутъ наши слѣды, мы будемъ уже далеко отсюда,—сказалъ Аладжанъ и потомъ, обращаясь къ сторожившему лошадей киргизу, добавилъ:

— Прощай, Садыкъ! Да, смотри, утекай отсюда скорѣе, а то какъ бы тебя не заподозрѣли.

— Э, ничего не будетъ, я тутъ свой человѣкъ,—сказалъ Садыкъ, получивъ изъ рукъ Аладжана горсть серебряныхъ монетъ.

Мы вскочили на коней и понеслись подъ покровомъ ночной темноты, среди спавшихъ мирнымъ сномъ окрестностей, по дорогѣ къ р. Аму-Дарьѣ.

Всю ночь ѣхали мы, не останавливаясь, и подъ утро уже были подлѣ селенія Ханки, гдѣ должны были переправиться черезъ Аму-Дарью. Въ Ханкѣ какъ разъ въ этотъ день былъ еженедѣльный базаръ, на который стекалось отовсюду много всякаго народу: хивинцевъ, бухарцевъ,

киргизовъ, текинцевъ и другихъ среднеазіатцевъ. Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до этого селенія, Аладжанъ свернулъ въ сторону, мы сдѣлали остановку, и мой тамыръ обрилъ мнѣ бороду и усы и переодѣлъ въ женскую одежду, предусмотрительно захваченную имъ съ собой. Эта предосторожность была необходима въ виду того, что меня легко могли узнать видавшіе меня въ Хивѣ люди. Между тѣмъ, переряженный женщиною, я имѣлъ право, по мусульманскому обычаю, держать свое лицо закрытымъ, и никто не смѣлъ заглядывать мнѣ въ него, такъ какъ, по приказанію хана, ревниво охранявшаго предписанія корана, всякій мужчина, старавшійся заглянуть подъ покрывало женщины, наказывался въ то время въ Хивѣ смертью.

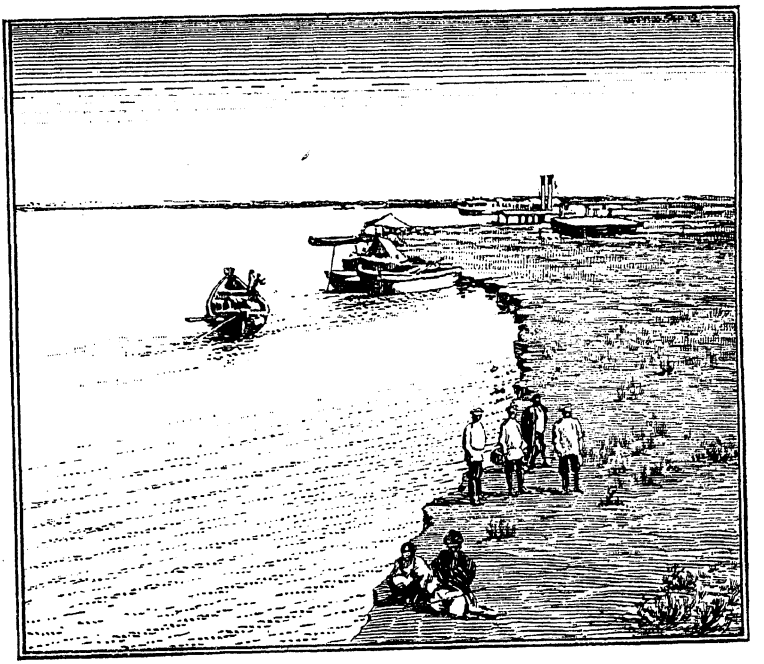
Совершивъ этотъ маскарадъ, мы снова сѣли на лошадей, причемъ Аладжанъ далъ мнѣ въ руки большой, привязанный до тѣхъ поръ къ его сѣдлу, бурдюкъ съ кумысомъ, чтобы я могъ угощать изъ него всѣхъ жаждущихъ, какъ это дѣлаютъ обыкновенно на базарахъ киргизки.

Благополучно миновавъ такимъ образомъ Ханку, мы переправились, вмѣстѣ со многими другими, на паромѣ черезъ Аму-Дарью, ширина которой во время весенняго разлива достигаетъ здѣсь нѣсколькихъ верстъ. Эта переправа заняла у насъ почти цѣлый день, и насъ отнесло теченіемъ далеко внизъ, а когда мы были уже на той сторонѣ, къ вечеру отъ пріѣхавшихъ туда на лодкахъ, отправившихся изъ Ханки уже послѣ насъ, мы узнали, что въ Ханкѣ получено извѣстіе о бѣгствѣ изъ хивинской тюрьмы русскаго невольника, и что ханъ отдалъ приказъ тщательно осматривать всѣхъ, переходящихъ границу его владѣній, въ особенности на переправахъ черезъ Аму-Дарью. Такимъ образомъ оказалось, что паромъ, на которомъ мы переправлялись, былъ однимъ изъ послѣднихъ, не обшаренныхъ сыщиками и шпіонами хана.

Но теперь мы были уже въ сравнительной безопасности,

такъ какъ правый берегъ р. Аму-Дарьи находился уже во владѣніи бухарскаго эмира, а Бухара въ то время была только-что покорена и находилась подъ властью Россіи.

Скоро мы прибыли въ Акъ-Камышъ, мѣстность, лежа-



Аму-Дарья близъ Чарджуя.

щую выше Хивы и Ханки, на правомъ берегу Аму-Дарьи, гдѣ были разбиты киргизскія кочевки и гдѣ у Аладжана были знакомые киргизы, съ которыми мы должны были отправиться въ обратный путь въ Россію.

И только здѣсь я могъ спокойно выслушать повѣствованіе моего друга о томъ, какъ онъ отыскалъ и спасъ меня.

VIII.

Въ Орскѣ, какъ оказалось, меня хватились только послѣ того, какъ на второй день я не явился на службу. Но никто не зналъ, куда я могъ дѣться. Когда выяснилось, что наканунѣ исчезновенія я былъ у Аладжана и ночью уѣхалъ отъ него,—тотчасъ же, разумѣется, заподозрѣли, что меня увели въ плѣнъ хивинцы, потому что подобные случаи тогда повторялись нерѣдко. Но всѣ поиски по окрестностямъ оказались безрезультатными: разбойники не оставили никакихъ слѣдовъ, и даже неизвѣстно было, въ какую сторону меня увезли, потому что на другой день былъ дождь, и всѣ слѣды были смыты. Развѣдочные отряды, высланные въ окрестности степи, вернулись ни съ чѣмъ. Слѣды мои точно въ воду канули.

Но когда мое начальство потеряло всякую надежду отыскать меня и офиціальные поиски прекратились, одинъ только Аладжанъ не потерялъ этой надежды. Какъ мой тамыръ, онъ считалъ долгомъ своей чести поставить на карту все, чтобы отыскать меня живого или мертваго, тѣмъ болѣе, что я пропалъ по выѣздѣ изъ-подъ его крова.

Цѣлое лѣто онъ ѣздилъ по всѣмъ направленіямъ степи и всюду разспрашивалъ кочевавшихъ тамъ киргизовъ, не имѣютъ ли они какихъ-либо свѣдѣній о русскомъ офицерѣ, уведенномъ въ неволю.

И дѣйствительно, послѣ долгихъ и напрасныхъ разспросовъ, ему встрѣтился наконецъ одинъ старый пастухъ-киргизъ, который разсказалъ ему, что этою весною онъ пасъ стада барановъ и видѣлъ, какъ неподалеку отъ его пастбища останавливался караванъ туркменовъ, а съ ними былъ закованный въ цѣпи русскій въ военной формѣ. По описанію этого плѣнника, Аладжанъ вывелъ заключеніе, что это могъ быть только я. Такъ какъ караванъ прошелъ по на-

правленію къ туркменскимъ кочевкамъ на Усть-Уртѣ, то Аладжанъ рѣшилъ, что меня нужно искать въ Хивѣ, куда обыкновенно уводили и продавали въ неволю всѣхъ русскихъ плѣнниковъ.

И вотъ въ ту же осень Аладжанъ, захвативъ съ собою значительную сумму денегъ, отправился въ Бухару вмѣстѣ съ возвращавшимся туда обратно караваномъ знакомыхъ ему бухарцевъ, ведшихъ мѣновую торговлю съ Орскомъ. Изъ Бухары же онъ пробрался въ Хиву. Мѣста эти были ему болѣе или менѣе знакомы, потому что онъ не разъ бывалъ и въ Хивѣ и въ Бухарѣ по торговымъ дѣламъ своего отца.

Аладжанъ прибылъ въ Хиву въ то самое время, когда я сдѣлался невольникомъ хана. Такъ какъ въ Хивѣ обыкновенно знали наперечетъ всѣхъ русскихъ невольниковъ, то ему было нетрудно разузнать и убѣдиться, что русскій офицеръ, подаренный хану, былъ не кто иной, какъ я.

И вотъ, частью посредствомъ подкуповъ, частью хитростью Аладжанъ все время своего проживанія въ Хивѣ былъ освѣдомленъ относительно моего положенія при дворѣ хана. Онъ искалъ только удобнаго случая, чтобы дать мнѣ вѣсть о своемъ присутствіи, но не успѣлъ этого сдѣлать, какъ узналъ, что, за отказъ принять исламъ и отречься отъ христіанской вѣры, ханъ приказалъ бросить меня въ тюрьму и обрекъ на голодную смерть. Тогда мой вѣрный тамыръ рѣшилъ дѣйствовать немедленно. Въ его головѣ живо созрѣлъ планъ, который онъ и не замедлилъ привести въ исполненіе.

Прежде всего онъ постарался познакомиться съ тюремными сторожами и посредствомъ подарковъ и угощеній войти къ нимъ въ дружбу и довѣріе. А узнавъ, что оба сторожа, какъ и многіе изъ хивинцевъ, большіе любители опіума, въ ночь моего побѣга онъ угостилъ ихъ такою дозою этого наркотическаго средства, что они скоро погрузились въ

сладкія видѣнія Магометова рая съ его прелестными гуріями, а тѣмъ временемъ Аладжанъ, заранѣе приготовившій все для моего побѣга, выломалъ окно тюрьмы и освободилъ меня.

Пробывъ такимъ образомъ около года въ плѣну и неволѣ, я вернулся, совершенно неожиданно для всѣхъ своихъ товарищей и знакомыхъ, къ мѣсту своего служенія въ линейный батальонъ и снова былъ зачисленъ на службу; а черезъ годъ, въ 1873 году, въ качествѣ опытнаго и знающаго мѣстность, языкъ и нравы хивинцевъ офицера, я выступилъ противъ нихъ въ походъ въ одномъ изъ передовыхъ отрядовъ генерала Кауфмана. Походъ этотъ, какъ извѣстно, окончился завоеваніемъ Хивы и полнымъ усмиреніемъ этого, считавшагося до тѣхъ поръ недосягаемымъ, гнѣзда безпокойныхъ разбойниковъ, превратившихся въ настоящее время въ мирныхъ сосѣдей Россіи.

Хива и ея населеніе.

Очеркъ.

Хивинское ханство, извѣстное въ исторіи подъ именемъ Харезма, находится въ Хивинскомъ оазисѣ и окружено почти со всѣхъ сторонъ непроходимыми, безводными и безплодными пустынями.

По богатству своей растительности, по яркому контрасту зелени съ окружающими безплодными пустынями, по замѣчательному плодородію почвы, зависящему отъ хорошаго орошенія водами Аму-Дарьи, этотъ оазисъ можетъ быть, по справедливости, названъ жемчужиной средне-азіатскихъ пустынь. Вода, окаймленная тополями, вязами и другими деревьями, течетъ здѣсь въ изобиліи; на поляхъ, обсаженныхъ шелковичными деревьями, прекрасно произрастаетъ зерновой хлѣбъ, рисъ, хлопокъ и проч.; розы и всякіе другіе цвѣты растутъ во множествѣ, а разные фрукты: персики, яблоки, гранаты и пр. отличаются своимъ превосходнымъ качествомъ, не говоря уже про арбузы и дыни, пользующіеся такой славой, что ихъ знаютъ даже въ далекомъ Пекинѣ, и въ прежнее время китайскій императоръ, въ числѣ ежегодныхъ подарковъ отъ своихъ средне-азіатскихъ вассаловъ, не забывалъ требовать и извѣстное количество этихъ плодовъ.

Своимъ плодородіемъ Хивинскій оазисъ обязанъ исключительно благодатному разлитію водъ Аму-Дарьи, проводимыхъ жителями на свои поля арыками, какъ называютъ въ Средней Азіи искусственные каналы. Безъ этой рѣки и безъ арыковъ этотъ оазисъ представлялъ бы точно такую же пустыню, какъ и окружающія. Поэтому населеніе главное вниманіе обращаетъ на устройство и содержаніе этихъ арыковъ въ должномъ порядкѣ.

Вслѣдствіе невозможности силами одного человѣка устроить систему орошенія въ обширныхъ размѣрахъ, у хивинцевъ съ давнихъ поръ установился общественный видъ владѣнія

орошаемой землей. Каждый желающій получить пашню подъ посѣвъ долженъ въ опредѣленный день представить на извѣстное мѣсто кошъ, т.-е. пару воловъ, запряженныхъ въ соху, съ рабочимъ и необходимыми ручными орудіями. Величина участка земли, отводимаго тому или другому члену общины, опредѣляется количествомъ кошей, представляемыхъ этими членами для общественной обработки земли. Но, разумѣется, если есть владѣльцы, имѣющіе по нѣскольку кошей, то есть и такіе бѣдняки, которые содержатъ въ складчину всего одинъ кошъ.

Передъ наступленіемъ полевыхъ работъ особые выборные, арыкъ-аксакалы, опредѣляютъ, какая часть полей отдохнула подъ паромъ и можетъ быть обрабатываема, и затѣмъ назначаютъ каждому кошу ту или иную работу по части расчистки, исправленія и проведенія оросительныхъ арыковъ. Эти арыки проводятся изъ Аму-Дарьи и ея рукавовъ, причемъ главные изъ нихъ развѣтвляются на второстепенные, эти послѣдніе—на третьестепенные и т. д., пока всѣ арыки не разобьются на множество мелкихъ канавокъ, сѣтью покрывающихъ всю площадь земли, назначенную для обработки. Затѣмъ всѣ эти безчисленныя развѣтвленія снова собираются посредствомъ отводныхъ протоковъ въ одинъ или нѣсколько большихъ рукавовъ, возвращающихъ воду въ основной каналъ. У начала всѣхъ этихъ канавъ и канавокъ устраиваются плотины, служащія для спуска воды на пашни въ нужное время.

Расчистка арыковъ, производимая обыкновенно раннею весною, начинающеюся здѣсь въ концѣ февраля, считается дѣломъ настолько важнымъ, что происходитъ, по большей части, въ присутствіи самихъ хановъ, подъ наблюденіемъ арыкъ-аксакаловъ.

Послѣ того, какъ поля, путемъ проведенія оросительныхъ арыковъ, приготовлены къ обработкѣ, арыкъ-аксакалы дѣлятъ землю на столько участковъ, сколько выходило кошей на работу, причемъ участки по цѣнности должны быть равны, и общество строго наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы при раздѣлѣ никто не былъ обиженъ. Самый раздѣлъ производится по жребію, причемъ, по установившемуся обычаю, владѣльцамъ нѣсколькихъ кошей отводятся по возможности смежные участки, или чаки, какъ ихъ здѣсь называютъ.

Вода пускается арыкъ-аксакалами въ теченіе лѣта на каждый чакъ поочередно, обыкновенно два раза въ недѣлю. Тѣ, кому вода не нужна, задѣлываютъ идущія на ихъ пашни ка-

навки и такимъ образомъ не пускаютъ къ себѣ лишнюю воду; тѣ же, кому она необходима, напротивъ, разрываютъ плотинки, загораживающія канавки.

Осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, арыки, орошавшіе поля, задѣлываются глиною, такъ что вода продолжаетъ течь только по главнымъ изъ нихъ.

По укоренившемуся обычаю, каждый чакъ можетъ перейти въ полную собственность его временнаго владѣльца, если послѣдній заведетъ на немъ садъ, или обнесетъ его оградою, или построитъ на немъ домъ. Однако это не избавляетъ его отъ обязанности отправлять на каждый такой чакъ на общественныя работы по кошу.

Нужно сказать, что садъ составляетъ мѣру богатства и гордости хивинца, и всякій, кто только въ состояніи имъ обзавестись, непремѣнно его заводитъ. Къ хлѣбопашеству же прибѣгаютъ только въ крайнемъ случаѣ, такъ какъ оно не даетъ тѣхъ выгодъ, какія даетъ хорошо разведенный садъ. Сады обыкновенно обносятся глиняною стѣною, вдоль которой, для защиты фруктовыхъ деревьевъ отъ вреднаго вліянія холодныхъ вѣтровъ, сажаютъ не фруктовыя: тополь и вербу. Посрединѣ сада вырываютъ прудъ, соединенный съ разными его частями небольшими канавками, по длинѣ которыхъ рядами разсаживаютъ фруктовыя деревья.

Во главѣ ханства стоитъ ханъ—неограниченный властитель земель и жизни своихъ подданныхъ, соединяющій въ своихъ рукахъ власти — свѣтскую и духовную, гражданскую и военную. До занятія Хивы русскими, ханы широко пользовались своею властью, поддерживая ее посредствомъ самыхъ безчеловѣчныхъ истязаній и пытокъ, посредствомъ меча, кола, веревки и „клоповника“.

Клоповникъ—это чисто-азіатское орудіе пытки. Въ узкую, темную комнату, вдоль середины которой, нѣсколько возвышаясь надъ поломъ, вдѣланъ продольный брусокъ, запираютъ раздѣтаго донага узника, заковавъ его ноги въ придѣланныя къ бруску кольца. Въ другія кольца, свѣшивающіяся съ потолка, закрѣпляютъ руки несчастнаго, который, оставаясь такимъ образомъ въ висячемъ положеніи, лишенъ всякой возможности шевелить руками и ногами и облегчать мученія отъ укушенія клопами, которые въ этомъ аду кишатъ милліонами. У большинства выпущенныхъ изъ клоповника оказывались объѣденными уши и ноздри.

Между городами Хивинскаго ханства, кромѣ его столицы—Хивы, наиболѣе замѣчательны: Яны-Юригеджъ, главный промышленный и торговый центръ, Кунградъ и Кене-Юригеджъ, бывшій прежде столицею ханства, но теперь сошедшій на степень простой, бѣдной деревушки.

Участь Кене-Юригеджа особенно замѣчательна: она ясно показываетъ, отчего города въ Средней Азіи падаютъ и возникаютъ. Въ прежнее время этотъ городъ былъ расположенъ при рукавѣ Аму-Дарьи, носившей въ древности названіе Оксуса и впадавшей не въ Аральское море, какъ теперь, а въ Каспійское. Но съ тѣхъ поръ, какъ древній Оксусъ, прежнее русло котораго и теперь еще ясно видно въ туркменскихъ степяхъ и пустыняхъ, измѣнилъ свое направленіе и сталъ течь въ Аральское море, всѣ города и селенія, расположенные по старому руслу этой великой средне-азіатской рѣки, должны были или утратить свое значеніе, или совсѣмъ исчезнуть. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ Средней Азіи города и даже цѣлыя государства возникаютъ или исчезаютъ, возвышаются или приходятъ въ упадокъ, смотря по измѣненію рѣчныхъ руслъ. Образуйся въ пустынѣ какая-либо новая вѣтвь Аму-Дарьи—и безплодная пустыня оживится и закипитъ жизнью, зацвѣтутъ въ ней города и возникнетъ земледѣліе. Высохни какой-либо изъ ея рукавовъ—и на мѣстѣ прежнихъ большихъ городовъ останутся однѣ развалины и запустѣніе.

Такъ, въ окружающихъ пустыняхъ находятъ немало развалинъ когда-то большихъ городовъ, кипѣвшихъ жизнью, а теперь, вслѣдствіе отсутствія воды, этого источника всякой жизни, совершенно заброшенныхъ и полузасыпанныхъ переносными песками безплодной пустыни. Извѣстно, напр., что Александръ Македонскій, имя котораго и до сихъ поръ живетъ среди народовъ Средней Азіи, во время своего похода въ Индію основалъ городъ Бактрію, сдѣлавшійся потомъ центромъ эллинской цивилизаціи въ Средней Азіи. Еще въ началѣ среднихъ вѣковъ этотъ городъ былъ средоточіемъ мусульманской образованности и носилъ названіе „Купола Ислама“. Нынѣ же отъ древней Бактріи, этой „матери городовъ“, остаются почти однѣ развалины, такъ какъ жить въ ней, вслѣдствіе удушливой жары и недостатка воды, въ особенности лѣтомъ, сдѣлалось почти совершенно невозможнымъ.

Несомнѣнно также и то, что народы Средней Азіи въ прежнее время отличались большей жизнедѣятельностью, чѣмъ те-

перь, какъ въ области промышленности, такъ и въ сферѣ наукъ и искусствъ. Въ настоящее же время науки совершенно заглохли, а отъ прежней учености не осталось и слѣда, такъ какъ предписанія корана заковали умы людей въ тяжелыя цѣпи невѣжества и застоя. Всѣ дѣйствія и поступки магометанъ обусловливаются предписаніями корана: пища, одежда, жилище, управленіе, — все это разъ навсегда опредѣлено, и никакихъ улучшеній и нововведеній не допускается.

Устанавливая тѣ или иныя, въ сущности очень разумныя, предписанія для своихъ послѣдователей, основатель магометанской религіи не предвидѣлъ, что эти предписанія сдѣлаются потомъ пустою, ни къ чему не ведущею формальностью. Такъ, предписывая пятикратное омовеніе, законодатель имѣлъ въ виду соблюденіе чистоты и опрятности, какъ главнѣйшихъ залоговъ человѣческаго здоровья. Послѣдователи же его съ плетью въ рукахъ начали побуждать правовѣрныхъ къ исполненію этихъ обрядовъ. Результатъ оказался самый плачевный: несмотря на усердныя религіозныя омовенія, грязнѣе и нечистоплотнѣе средне-азіатскихъ мусульманъ не сыскать людей. Хмельные напитки подъ страхомъ смертной казни запрещены; тѣмъ съ большимъ азартомъ мусульмане губятъ свое здоровье, предаваясь куренію опіума, гашиша и т. д

Населеніе Хивинскаго ханства, не превышающее одного милліона душъ, представляетъ собою довольно пеструю смѣсь. Оно состоитъ частью изъ ўзбековъ—господствующаго племени въ странѣ, частью изъ таджиковъ, которыхъ называютъ здѣсь сартами, частью изъ туркменъ, киргизовъ, персовъ и проч.

Но главныя народности—это узбеки и сарты.

Узбеки—воинственный и вмѣстѣ съ тѣмъ прямодушный и честный народъ. Они называютъ себя потомками Золотой Орды и говорятъ языкомъ, сходнымъ съ татарскимъ. Въ магометанскую вѣру они обращены въ началѣ XIV столѣтія.

Считая себя господами страны, узбеки смотрятъ съ презрѣніемъ на остальныя народности, населяющія Хивинское ханство, въ особенности на сартовъ. Истый родовитый узбекъ никогда не возьметъ себѣ жену изъ болѣе низкаго рода, равно какъ и не отдастъ свою дочь въ другой родъ. Впрочемъ, это относится только къ богатымъ узбекамъ; бѣдные же въ этомъ случаѣ по большей части сообразуются съ количествомъ калыма, богатствомъ и знатностью жениха или невѣсты, чѣмъ преданіями своихъ предковъ.

Всѣ домашнія и полевыя работы у узбековъ лежатъ обыкновенно на обязанности ихъ женъ: онѣ пасутъ стада, приготовляютъ кизякъ (топливо изъ навоза), прядутъ, пекутъ, обшиваютъ семью, дубятъ и красятъ кожи, приготовляютъ изъ нихъ шубы и проч. Мужъ же по большей части ничего не дѣлаетъ; онъ разъѣзжаетъ по базарамъ, навѣщаетъ своихъ знакомыхъ, а домой заглядываетъ рѣдко.

Если у узбека нѣсколько женъ, то онѣ обыкновенно живутъ отдѣльно одна отъ другой, потому что совмѣстная жизнь, вслѣдствіе постоянныхъ ссоръ между ними, невозможна. Узбекъ смотритъ на своихъ женъ исключительно какъ на рабочій скотъ, обязанный ходить за его хозяйствомъ. Разумѣется, отъ такихъ отношеній семейная жизнь узбековъ выигрываетъ мало, и забота о дѣтяхъ у нихъ является самымъ послѣднимъ дѣломъ: они растутъ безъ всякаго призора, какъ деревья въ лѣсу, и на нихъ начинаютъ обращать вниманіе лишь тогда, когда они подрастутъ и окрѣпнутъ настолько, что могутъ быть полезными въ хозяйствѣ. Тогда на нихъ начинаютъ наваливать работу. По этой причинѣ особенной любви между дѣтьми и родителями у узбековъ не существуетъ, — они всю жизнь остаются чуждыми другъ другу. Можетъ-быть, этимъ и можно объяснить то обстоятельство, что узбеки, несмотря на свою природную честность и прямодушіе, столь выгодно отличающія ихъ отъ остального населенія, — дики, жестоки и безчеловѣчны.

Обычаи и обряды узбековъ, какъ и вообще обычаи всѣхъ кочевыхъ и полукочевыхъ народовъ, во многомъ напоминаютъ киргизскіе.

Таджики, или сарты, по происхожденію своему—персы, но уже давно утратили свой персидскій языкъ и замѣнили его узбекскимъ.

Различіе между узбекомъ и сартомъ заключается въ томъ, что первый болѣе тяготѣетъ къ степи, къ простору, тогда какъ второй—къ городу. Узбекъ при первой же возможности обзаводится скотомъ и идетъ кочевать въ степь; сартъ же, сколотивъ деньгу, дѣлается сначала мелкимъ скупщикомъ—джалябъ-сатаромъ, а потомъ и саудагаромъ, т.-е. купцомъ. Онъ открываетъ гдѣ-нибудь на бойкомъ мѣстѣ въ городѣ лавочку и прибавляетъ къ своему имени „бай“ (именитый). Узбекъ только по необходимости дѣлается ремесленникомъ и садится за рабочій станокъ; сартъ же всегда охотно берется

за кропотливую работу и за выдѣлку наиболѣе цѣнныхъ предметовъ, требующихъ большого искусства.

Вообще сартъ по природѣ своей горожанинъ и тяготѣетъ болѣе къ городу, гдѣ онъ чувствуетъ себя въ своей атмосферѣ, занимаясь торговлей, барышничествомъ и разными промыслами. Болѣе развитой умственно и болѣе изворотливый, чѣмъ узбекъ, онъ захватилъ всю торговлю и промыслы страны въ свои руки и сдѣлался вполнѣ необходимымъ узбеку; и хотя послѣдній и считаетъ себя господствующей народностью и свысока смотритъ на сарта, но на самомъ дѣлѣ оказывается въ полной отъ него зависимости, и сплошь и рядомъ гордый узбекъ работаетъ на поляхъ и въ садахъ столь презираемаго имъ сарта.

Чтобы подчеркнуть контрастъ характеровъ узбековъ и сартовъ, о нихъ разсказываютъ такой анекдотъ. Одна принцесса обѣщала свою руку тому изъ претендентовъ, который пророетъ оросительный каналъ черезъ Голодную степь. Узбекъ началъ копать ровъ для арыка и положилъ на него много труда, но не успѣлъ къ назначенному сроку окончить эту египетскую работу. Сартъ же прибѣгъ къ хитрости: онъ разостлалъ передъ назначеннымъ днемъ вдоль песчаной пустыни камышевыя цыновки. Когда принцесса взошла на свою башню, чтобы взглянуть издали на серебристую струю водъ канала, сартъ показалъ ей свою работу, блестѣвшую на солнцѣ. Принцесса, введенная въ заблужденіе, сдѣлалась его женой, а несчастный соперникъ съ отчаянія бросилъ высоко на воздухъ свой заступъ, который при паденіи упалъ ему на голову и раскроилъ черепъ.

Когда сартъ задается какой-либо цѣлью, напр., устроить свои матеріальныя дѣла или окончить какую-либо работу, онъ проявляетъ удивительную энергію и настойчивость; ни усталость, ни голодъ, ни холодъ, ни страхъ—ничто на него не дѣйствуетъ; онъ жертвуетъ всѣмъ и все переноситъ, лишь бы добиться своего. Но, разъ цѣль достигнута, деньги пріобрѣтены, онъ тотчасъ же изъ дѣятельнаго и расчетливаго человѣка превращается въ лѣниваго и беззаботнаго. Съ утра до вечера сидитъ онъ неподвижно, поджавъ подъ себя ноги, въ своей лавчонкѣ, какъ истуканъ, безсмысленно уставившись въ пространство, или безцѣльно слоняется по чайнымъ, базарамъ и гуляньямъ, хвастаясь нарядами и своимъ знакомствомъ съ знатными людьми, или идетъ въ игорный домъ и проводитъ тамъ дни и ночи. Въ особенности сартъ любитъ погулять во время праздника — т о м а ш а.

Къ годовымъ праздникамъ готовятся обыкновенно заранѣе и ждутъ ихъ съ нетерпѣніемъ.

Но вотъ и праздникъ. Едва наступаетъ утро, какъ сартъ начинаетъ обряжаться, надѣваетъ чистое бѣлье, сурмитъ брови, подводитъ глаза. Выйдя на улицу, онъ закидываетъ голову кверху, никому не уступаетъ дороги и то и дѣло сталкивается съ прохожими. При встрѣчѣ съ знакомыми, хуже его одѣтыми, онъ дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ ихъ. Съ гордымъ видомъ заходитъ онъ въ лавку къ какому-либо купцу, садится тамъ и посылаетъ въ чайную за чаемъ. Если въ лавку входятъ старыя уважаемыя лица, онъ непремѣнно выставитъ ногу и будетъ ею подрыгивать, что считается, по сартскому этикету, полнѣйшимъ неуваженіемъ. Посидѣвъ достаточно въ одной лавкѣ, онъ переходитъ въ другую, гдѣ опять продѣлываетъ то же самое, и т. д.

Но вотъ наступаетъ вечеръ, и нашъ гуляка, вдоволь натѣшивъ свое самолюбіе и наполнивъ желудокъ безчисленнымъ количествомъ выпитыхъ чашекъ чая, возвращается домой, гдѣ съ огромными прибавленіями и небылицами начинаетъ разсказывать своей женѣ о томъ, сколько онъ выпилъ чаю съ сахаромъ, какъ прохожіе завидовали ему и удивлялись его костюму и важному виду, какъ онъ извѣстному въ городѣ важному лицу наговорилъ дерзостей за то, что тотъ не уступилъ ему дороги, и заставилъ его извиниться передъ собой. Выслушавъ разсказъ мужа, жена бѣжитъ къ своимъ сосѣдкамъ и съ новыми прикрасами и прибавленіями передаетъ имъ о необычайныхъ похожденіяхъ своего супруга. И надолго, до слѣдующаго томаша, у нихъ хватаетъ разговора все объ одномъ и томъ же предметѣ.

Самая обыкновенная и самая распространенная верхняя одежда у хивинцевъ, какъ и у другихъ средне-азіатцевъ—это халаты. Они дѣлаются чрезвычайно широкими и съ длиннѣйшими рукавами, сидящими громадными складками на рукѣ во время работы и спускающимися съ рукъ, когда хивинецъ отправляется въ гости или является къ старшимъ. Показывать руки, въ этомъ случаѣ, считается верхомъ неприличія: онѣ должны быть спрятаны въ рукава и сложены на животѣ. Халаты подбиваются ватою, и зимою туземцы надѣваютъ по нѣскольку халатовъ одинъ на другой, такъ что по количеству ихъ опредѣляется степень холода; говорятъ: „холодъ въ два халата, въ три халата“ и т. д. Такимъ образомъ, по количеству

надѣтыхъ на хивинцѣ халатовъ, какъ по термометру, можно опредѣлять температуру воздуха.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о туркменахъ, подданныхъ хивинскаго хана.

Туркмены, или туркоманы, занимаютъ своими кочевьями громадную область къ югу отъ Усть-Урта до границъ Персіи. Число всѣхъ туркменъ достигаетъ милліона душъ. Наиболѣе воинственные и храбрые изъ нихъ—это текинцы, борьба съ которыми очень долгое время обходилась русскимъ слишкомъ дорого.

Туркмены раздѣляются на кочующихъ и осѣдлыхъ, но какъ тѣ, такъ и другіе живутъ въ разборныхъ войлочныхъ кибиткахъ. Одѣяніе какъ мужчинъ, такъ и женщинъ состоитъ изъ красной шелковой рубахи, покрывающей все тѣло отъ плечъ до лодыжки. Впрочемъ, мужчины сверхъ рубашки надѣваютъ еще чапанъ, а на головѣ носятъ легкую барашковую шапку. Женщины же ходятъ въ однѣхъ длинныхъ рубахахъ и лишь въ торжественныхъ случаяхъ повязываютъ вокругъ пояса большую шаль; ноги обуваютъ въ цвѣтные сапожки и украшаютъ себя запястьями, ожерельями, серьгами и кольцами, которыя иногда продѣваютъ даже, подобно американскимъ женщинамъ, въ носовую перегородку. Головной уборъ ихъ весь унизанъ монетами, настоящими или поддѣльными цвѣтными камнями, разными золотыми и серебряными украшеніями, и достигаетъ иногда такихъ громадныхъ размѣровъ, что заключенное въ немъ лицо туркменки походитъ на образъ святого, обрамленный ризой.

У туркменъ сохранился еще обычай, оставшійся отъ первобытныхъ нравовъ, притворнаго похищенія невѣсты. Молодая дѣвушка, завернувшись въ длинное покрывало и держа въ рукахъ козу или ягненка, скачетъ во весь опоръ верхомъ на конѣ и быстрыми поворотами то въ ту, то въ другую сторону старается уклониться отъ преслѣдующаго ее, вмѣстѣ съ друзьями, жениха.

Дня черезъ четыре послѣ свадьбы молодая должна совершить новое притворное бѣгство къ родителямъ, у которыхъ и остается въ продолженіе цѣлаго года, чтобы дать мужу время наворовать и увести въ плѣнъ сколько нужно людей для уплаты условленнаго калыма,—это долгъ чести.

Другой, не менѣе интересный обычай заключается въ оплакиваніи умершихъ. Этотъ обычай требуетъ, чтобы въ теченіе

цѣлаго года, въ тотъ самый часъ, когда умеръ покойникъ, всѣ его друзья и родственники испускали протяжный вой и плачъ. Впрочемъ, этотъ вой ни на минуту не отрываетъ плакальщиковъ отъ ихъ занятій, и жалобныя завыванія продолжаются даже во время ѣды или куренія табаку.

Главное занятіе туркменъ до покоренія Хивы русскими было—набѣги, грабежи и уводъ плѣнныхъ.

Большинство туркменъ не признаетъ и даже не имѣетъ у себя никакихъ властей, считая, что всѣ они равны между собою. Уваженіе, почетъ и нѣкоторое вліяніе между ними пріобрѣтаютъ только личности, чѣмъ-либо особеннымъ прославившіяся, напр., своею необычайною храбростью на войнѣ или какими-либо добродѣтелями во время мира. Въ случаѣ какой-либо обиды или несправедливости, никто не пойдетъ ни къ кому жаловаться, а самъ берется за оружіе и отплачиваетъ, если можетъ, обидчику.

Однако, несмотря на такую свободу и самоуправство, туркмены умѣютъ уважать мирнаго сосѣда, быть гостепріимными и свято держать данное слово. Въ этомъ случаѣ дебъ, или обычай, освященный вѣками, чтится ими лучше всякихъ законовъ. Въ обыкновенныхъ житейскихъ отношеніяхъ туркмены обнаруживаютъ замѣчательную честность и прямодушіе, и этимъ рѣзко отличаются отъ окружающихъ испорченныхъ персіянъ, афганцевъ и бухарцевъ. И если бы не свирѣпая жестокость по отношенію къ своимъ врагамъ и не безчеловѣчное обращеніе съ рабами, то туркмены были бы прекраснѣйшимъ народомъ въ мірѣ.

Впрочемъ, теперь, подъ властью Россіи, нравы ихъ смягчились, они поняли пользу просвѣщенія и заводятъ школы въ своихъ степяхъ и пустыняхъ.

Книги, составленныя А. П. Нечаевымъ:

Чудеса безъ чудесъ. Маленькая физика въ примѣненіи къ забавамъ. Съ 171 рис. Изд. 2-е, испр. и дополн. Цѣна **75** к., въ папкѣ **1** р., въ переплетѣ **1** р. **50** к.

И камни живутъ! Разсказы о жизни минераловъ. Наблюденія въ природѣ и руководство къ составленію коллекцій. Для семьи и школы. Съ 62 рис. Цѣна **50** к., въ папкѣ **75** к.

Въ мірѣ брызгъ и пѣны. Изъ поѣздокъ по водопадамъ. Съ 28 рис. Цѣна **25** к., въ папкѣ **35** к.

Пять дней въ лодкѣ. Разсказъ о поѣздкѣ въ Жигули. Съ 20 рис. Цѣна **20** к., въ папкѣ **30** к.

Картины родины. Типичные ландшафты Россіи въ связи съ ея геологическимъ прошлымъ. Съ 60 рис. Изд. 2-е. Цѣна **50** к., въ папкѣ **65** к.

Почва и ея исторія. Географическій этюдъ. Съ 28 рис. Изд. 2-е. Цѣна **25** к., въ папкѣ **35** к.

Разсказы А. ЧЕГЛОКА

изъ родной природы:

Чужимъ трудомъ (Поморники). Съ 4 рис.	Ц.	5 к.
Шунгакъ-Куль (О чайкахъ). Съ 7 рис.	„	7 „
Бѣлая цапля. Съ 6 рис.	„	5 „
Устыдили (Про дрофъ). Съ 5 рис.	„	6 „
Кильмекъ и выдра (Разсказъ). Съ 6 рис.	„	5 „
Волкъ-путешественникъ (Сказка). Съ 4 рис.	„	5 „
Необыкновенный случай (Изъ жизни дикихъ кошекъ). Съ 5 рис.	„	6 „
Выручилъ (О куницахъ). Съ 4 рис.	„	7 „
Кретъ (Разсказъ). Съ 3 рис.	„	5 „
Дурный панъ (О тушканчикѣ) Съ 3 рис.	„	5 „
Экономъ (Изъ жизни хомяковъ). Съ 2 рис.	„	5 „
Чабанъ Бодро (О баранахъ). Съ 6 рис.	„	6 „
Ужиный царь (Объ ужахъ). Съ 5 рис.	„	5 „
„Носикъ“ (Болотная камышевка). Съ 5 рис.	„	5 „
Щурка золотистая (Разсказъ). Съ 6 рис.	„	5 „
Юла (Лѣсной жаворонокъ). Съ 6 рис.	„	5 „
Перепелъ. Съ 6 рис.	„	5 „
Бѣлый тетеревъ (Разсказъ). Съ 9 рис.	„	5 „
Ястребъ-перепелятникъ (Изъ записокъ художницы). Съ 5 рис.	„	6 „
Пугачъ (Изъ жизни филиновъ). Съ 6 рис.	„	6 „

Расходы по пересылкѣ относятся на счетъ выписывающихъ.

Каталогъ книжнаго магазина П. В. ЛУКОВНИКОВА по требованію высылается безплатно.